

УДК 930.85:[316.346.2-055.2+575.5]
doi 10.17072/2219-3111-2019-3-76-84

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА: ГЕНДЕР И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Ч. Чаттерджи

Университет штата Калифорния, Лос-Анджелес,
5151 State University Drive, Los Angeles, CA 90032
cchatte@calstatela.edu

К. Петроне

Университет Кентукки, Лексингтон,
1715 Patterson Office Tower, Lexington KY 40506-0027
petrone@uky.edu

Авторы статьи анализируют основные этапы и особенности академической карьеры Натальи Львовны Пушкаревой. В публикации дается краткое представление об исследованиях, посвященных российским женщинам, проводившимся в 1990–2000-х годах. Международные контакты важны для создания и развития отделов и центров изучения женщин и гендерных проблем. Западные гранты сыграли положительную роль в деле распространения исследований по женской истории в России и в странах Восточной Европы. Однако гранты предоставлялись в основном в области прикладных социальных исследований. Наталья Пушкарева сыграла ключевую роль в развитии теоретических аспектов женских исследований в России. Ее книга “Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century” стала первой монографией по истории женщин, переведенной на английский язык. Работа двух ученых – Натальи Пушкаревой и Евы Левин (которая редактировала и перевела монографию на английский язык) – является прекрасным примером международного плодотворного сотрудничества в академической сфере. Указанная книга широко используется как студентами, так и известными учеными. Многочисленные публикации Натальи Пушкаревой внесли большой вклад в международное исследование женской истории. Авторы пишут о многогранной деятельности Н.Л. Пушкаревой в российских и зарубежных академических кругах, об ее усилиях по распространению гендерных знаний и помощи другим ученым. Наталья Пушкарева работает в том числе и для широкой российской публики. Ее публикации варьируются от фундаментальных работ по феминистской и гендерной теории до популярных статей.

Ключевые слова: Н.Л. Пушкарева, Ив Левин, феминизм, женская история, гендерные исследования, Россия.

В этом небольшом очерке мы обращаемся к теме международного сотрудничества ученых, распространению и развитию теорий феминизма и гендерных исследований на Западе и в России после 1991 г. [Solomon, 2008; Friedman, 2001; Raj, 2007]. Очерк посвящен научной и общественной деятельности замечательного российского историка Натальи Львовны Пушкаревой, заведующей сектором этногендерных исследований в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук в Москве.

Академическая деятельность Пушкаревой – замечательный пример того, как советская система образования, которая полностью финансировалась государством, создала все предпосылки для развития новых теорий и направлений в науке в постсоветское время [Posadskaya-Vanderbeck, 1997]. Отмена цензуры, активное участие женщин в политической и общественной жизни страны коснулись и российского академического сообщества. При этом важную роль сыграло широкое проникновение новых для России теорий феминизма и гендерного подхода в общественных и гуманитарных науках. Немаловажное значение имело и зарубежное финансирование научного обмена и участия российских ученых в международных конференциях и семинарах.

В 1990-е гг. благодаря распространению идей глобализации и проведению неолиберальной экономической политики уменьшилось количество стран с полным государственным социальным

обеспечением. В то же время в постсоветском пространстве широко внедряются экономические теории, утверждающие, что именно тотальный контроль государства препятствует национальному росту экономики и развитию стран. В этой связи было отменено полное государственное финансирование образования, социальных услуг и здравоохранения, что особенно тяжело отразилось на жизни женщин. Феминизация бедности стала реальностью. В то же время возросло число академических программ по изучению феминологии и гендера в университетах таких многонациональных стран, как Россия, Индия и Мексика. Осуществление многих из этих программ спонсировалось как государственными фондами западных стран, АМР США (USAID) и Советом по международным исследованиям и обмену (IREX), так и частными организациями и фондами, такими как фонд Макартуров, фонд Сороса и фонд Форда [Lorena Parada-Ampudia, 2007].

Неолиберальные идеи, которыми руководствовались спонсоры женских организаций в России и Восточной Европе, разделяли далеко не все ученые и политики, но именно это финансирование способствовало ускоренному распространению гендерных исследований в российских университетах и появлению специалистов в области гендерных исследований [Zimmerman, 2008]. В России давно существовали традиции признания роли женщин в общественной и политической сферах, а также феминистские идеи и феминистские организации. Решающим фактором стала заинтересованность в новой для России научной сфере тех ученых и специалистов, которые получили высшее образование во времена Советского Союза. Финансовая поддержка Запада в 1990–1993 гг. лишь стимулировала развитие новой научной отрасли. Финансировалось проведение летних курсов, составление учебных планов, поддержка академических публикаций женщин о женщинах, создание веб-сайтов, международных женских организаций, предоставление грантов на участие в международных конференциях и основание академических центров по изучению феминологии. Фондам было гораздо проще поддерживать развитие «гендерного аспекта» в традиционных прикладных научных отраслях (социологии, психологии, экономике и даже в лингвистике) [Voronina, 2009], чем заниматься разработкой новых академических дисциплин. Таким образом, историческая феминология до сих пор не получает должной финансовой поддержки и остается в тени² [Kotkin, 2006].

Западные научные теории в России воспринимаются неоднозначно: одни слависты говорят о недостаточном их понимании и деполитизации их радикального содержания, у других же вызывает опасения чисто поверхностное привнесение западных теорий в российскую науку. Наталья Пушкарева, непревзойденный прагматик, полагает, что бездумное использование западных теорий зачастую ведет к упрощению и схематизации научных подходов. Кроме того, это дает прерогативы тем специалистам, которые хорошо проштудировали западные каноны. Ее особенно волнует растущее неравенство в научном сообществе между теми, кто хорошо изучил и овладел новыми теориями, и теми, кто занимается «старомодной» женской историей. Наталья Львовна считает, что это неравенство усилилось под влиянием западного финансирования только избранных центров, учреждений и специалистов в 1990-е и 2000-е гг. В следующем разделе мы проанализируем три аспекта работы и научной деятельности Натальи Львовны Пушкаревой: научные взгляды блестящего ученого, специалиста в области истории русских женщин, работу академического деятеля – неутомимого создателя научных объединений и обществ – и работу просветителя в гражданском обществе – ее любовь к российской культуре и национальному прошлому.

Постсоветский феминизм: научная деятельность как строительство государства?

Наталья Пушкарева – один из самых известных специалистов в области женской истории как в России, так и за рубежом. Как никто другой она знает российские источники женской истории с X в. по сегодняшний день. Работы и исследования Пушкаревой, касающиеся различных аспектов женской истории, рассчитаны как на академическую, так и на широкую читательскую аудиторию. Благодаря ее неутомимой деятельности история русских женщин стала общепризнанной дисциплиной на исторических факультетах вузов России. И в Советском Союзе, и в постсоветской России история как академическая дисциплина практически не включала в себя ни историю повседневности, ни историю частной жизни, в том числе женщин. Это подтверждает даже беглый просмотр таких известных журналов, как «Отечественная история» и «Вопросы истории» [Repina, 2006].

Сторонница методики Ранке, Пушкарева основывает свой анализ на рассмотрении большого количества исследований и кропотливым сборе, сопоставлении и изучении исторических источни-

ков. Ее книга «Женщины Древней Руси» была много раз переиздана, а в последнее время широко публикуются ее работы о частной жизни в истории России [Пушкарева, 1997; Пушкарева 2002]. В 1999 г. выходит монография Пушкаревой «Women in Russian History: From the Tenth Century to the Present» [Pushkareva, 1997], предназначенная для западной аудитории. Эта книга – результат международного сотрудничества. Ив Левин, известный американский специалист по гендерной истории средневековой Руси, прекрасно перевела книгу на английский язык. Пушкарева и Левин познакомились, когда обе учились в аспирантуре и работали под руководством академика Валентина Лаврентьевича Янина. Знакомство переросло в дружбу и сотрудничество, когда они пришли к одним и тем же выводам, касающимся положения женщин в средневековой Руси [Pushkareva, 1997, р. 14]. Пушкарева и Левин не только смело опровергают традиционные историографии, но и отважно выходят за рамки научных теорий времен холодной войны [Levin, 2003].

Блестящее исследование Пушкаревой находится в числе лучших современных исторических работ о женщинах в истории. Она использует многочисленные исторические, литературные, этнографические и археологические источники и выдвигает свой главный аргумент: вопреки общепринятым представлениям об угнетении и изоляции русских женщин, они всегда были значимой частью русского общества и играли важные роли в политике, обществе и культуре. Исследователь рисует яркие картины могущественных и прозорливых в политической деятельности властителей, работавших не покладая рук для укрепления династических связей в Киевской Руси. Пушкарева пишет и о повседневном быте женщин низкого социального уровня. Она включает в свой труд интересные этнографические материалы, относящиеся к повседневной жизни, информацию о законоположениях и о сексуальных отношениях в семье. Более того, Пушкарева, анализируя большое количество данных из документов на право земельной собственности и хартий, судебных решений, касающихся собственности, доказывает, что женщины владели и распоряжались имуществом в этот ранний период³. Полемическая по замыслу и содержанию, эта книга опровергает теории известных русских и западных историков, которые считали женщин средневековой Руси и Московского государства невидимыми, неслышимыми, находящимися в полной зависимости, а подчас и в полной изоляции [Пушкарева, 1989].

Монография организована по принципу хронологии. Пушкарева исследует роль женщин в исторические периоды, начиная с Московского государства и заканчивая кануном Октябрьской революции 1917 г. Раздел о XIX в. особенно интересен. Вопреки традиционной советской историографии, которая выдвигала на первый план женщин-революционерок, таких как Вера Фигнер и Александра Коллонтай, и при этом «выбрасывала на помойку истории» общественную и благотворительную деятельность женщин из высших социальных слоев, Пушкарева сокращает объем информации о революционерках до нескольких страниц и подробно рассказывает о деятельности хозяек салонов, писательниц, филантропок и сторонниц предоставления доступа женщин к высшему образованию и равным правам в XIX в. В своей статье, опубликованной в 2002 г., Пушкарева подвергает переоценке роль этих женщин с позиции нового положительного восприятия истории дореволюционного периода в сегодняшней, постсоветской России [Пушкарева, 2002] Пушкарева утверждает, что в отличие от западных феминисток, преследующих исключительно интересы женщин, русские феминистки XIX в. были заинтересованы в продвижении прав и мужчин, и женщин, а также всех тех, кого относили к низшим слоям общества. Если западные филантропки учили женщин бедных слоев умениям быть хорошей женой и матерью, то русские феминистки ставили своей задачей сделать женщин экономически независимыми. Для достижения этой цели они организовывали коммуны и рабочие артели [Stites, 1988; Edmondson, 1984; Johanson, 1987; Gosciolo, 1996; Lindenmeyr, 1996; Ruane, 1994; Юкина, 2007]. Эта деятельность была связана с историческими традициями, которые дали русским женщинам права на движимую и недвижимую собственность.

В то время как общественная деятельность русских женщин была задокументирована западными историками, для широкой аудитории российских читателей постсоветского периода рассказы о женщинах-писательницах, сторонницах равноправия, женщинах-профессионалах и филантропках XIX в. стали открытием [Юкина, 2007]. Публикации Пушкаревой дают основания для создания женского дискурса о настоящем и прошлом, в котором важную роль играют мудрые и деловые женщины. Такой научный подход особенно важен в России, так как в учебниках по истории для получающих среднее и высшее образование роль женщин в русской культуре специально не рассматривается, а достижения женщин не анализируются и не ставятся в контекст эпох. Способ-

ность к самопожертвованию, обладание духовной силой и созидательная общественная деятельность русских феминисток XIX в. во многом соответствуют деятельности женских организаций современной России. Открывая для читателей подобную деятельность женщин XIX в., Пушкарева также проливает свет на забытую историю общественных реформ и становления гражданского самосознания в России. Историю по праву считают одним из основных орудий продвижения национальных идей как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе. Пушкарева является одним из самых умелых экспертов в использовании этого орудия в науке.

Пушкарева обращает внимание на деятельность тех женщин, которые достигли своих целей путем терпеливого сотрудничества и компромиссов, а не радикальными мерами. Таким образом, она начинает создавать генеалогию русского женского активизма, которая заметно отличается от дискредитированных сегодня версий советского революционного феминизма. На смену героиням-революционеркам Наталья Львовна приводит другую группу героинь и тем самым представляет другие модели поведения россиянкам, чья жизнь складывалась на примерах войн и революций XX столетия. В эпилоге книги Пушкарева пишет: «Активная роль женщины в обществе и предпринимательстве, такая заметная в наше время, имеет корни в далеком прошлом. Современные женщины имеют возможность черпать вдохновение из истории и традиций, и при наличии здравого смысла и силы воли они смогут добиться успеха» [Pushkareva, 1997]. Пушкарева вносит феминистский подтекст в российский поиск «пригодного прошлого».

Подобно своим предшественницам-феминисткам XIX в., Пушкарева посвящает свою жизнь не только научной, но и общественной деятельности. Она является одним из основателей Московского центра гендерных исследований (МГЦИ), учрежденного при Институте демографических исследований в 1989 г., еще до распада Советского Союза. Умело используя финансовую поддержку стран Запада, МГЦИ организовывал международные собрания, семинары и конференции специалистов-историков. Он также проводил летние курсы для исследователей, преподавателей университетов и аспирантов из всех уголков страны для ознакомления с научной деятельностью и теориями в сфере женских и гендерных исследований. Эти летние курсы способствовали возникновению крепких связей между исследователями и студентами на национальном уровне и сотрудничеству в научных проектах [Khotkina]. Наталья Львовна является основным организатором и президентом международной Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Пушкарева продолжает продвигать идею народников XIX в. – «хождение в народ». Одна из серьезных проблем, по мнению Пушкаревой, – нехватка гендерно ориентированных исторических монографий, и она считает, что фундаментальные издания и историографические очерки должны быть дополнены серьезными исследованиями в области женской истории. Лучшим способом увеличения количества серьезных исторических исследований является установление и укрепление интеллектуальных контактов между историками различных университетов (особенно на периферии). Конференции и летние курсы служат прекрасным местом для начала профессиональных контактов. В отличие от советской академической номенклатуры, которая всегда предпочитала центр глубинке, Пушкарева неоднократно утверждала, что лучшая исследовательская работа по женской истории проводится в университетах на периферии [Пушкарева, 1998]. Ежегодные конференции РАИЖИ проходят в областных городах. Наталья Львовна настоятельно советует коллегам писать ясно и понятно, чтобы историки, работающие по устаревшим методикам, могли понять новые концепции, рождающиеся в гендерных исследованиях [Там же].

Заключение: народ в контексте международного феминизма

В конце XIX – начале XX в. женское движение в России рассматривали как составляющую часть одного из двух политических направлений. Социал-демократическое движение открыто критиковало «женскую деятельность буржуазии». Популисты и социал-революционеры не ставили интересы и цели женского движения в повестку дня, но в своих радикальных кругах исповедовали равенство женщин. После Октябрьской революции 1917 г., несмотря на деятельность таких феминисток, как Александра Коллонтай и Инесса Арманд, женское движение в Советском Союзе получило другую направленность. Хотя женщины получили и права, и многочисленные льготы при социалистическом режиме, они все же были получателями помощи. Активно продвигая революционную идеологию, они стали образцом и символом современности для советского режима. Советское государство продолжало повторять революционные проповеди XIX в. о самопожертвовании и самоотречении и призывало к растворению индивидуума в более широком сообществе.

Женщинам в культуре отводилась роль недостижимого идеала (*terrible perfection*⁴). Тот же недостижимый идеал превалировал при обсуждении спорных государственных и общественных тем. В то же время на примере постсоветского поколения экспертов в области гендерных исследований стало очевидным, что советская идеология дала женщинам права и возможности, и, что более важно, советская реальность создавала определенные возможности для развития женского движения.

Сегодня исследователи в сфере феминологии сталкиваются с другими проблемами. Пушкарева говорит о том, что распространение различных гендерных теорий и даже определений гендера может заслонить главную тему – историю России. По ее словам, ученые, использующие термин гендер надеются, что его нейтральная коннотация подавит необоснованные страхи и подозрения, которые термин феминизм продолжает сеять в администрациях университетов и в широких кругах российской общественности [Korovushkina]. Существуют и такие специалисты, которые, занимаясь «женской историей», словом «гендер» зачастую подменяют концепции феминизма. У них есть интерес к феминологии, но они продвигают консервативное видение предписанных и «естественных» ролей женщин в семье. Принимая во внимание фетишизацию критической теории в элитных научных кругах постсоветской России, таких специалистов «женской истории» часто считают отсталыми и старомодными. Пушкарева неоднократно говорила, что невозможно заниматься гендерными исследованиями в отрыве от женской истории, так как обе дисциплины являются феминистскими проектами [Пушкарева, 2000]. Без постмодернистских гендерных теорий было бы невозможно установление категории женской субъектности, построения истории женской личности и организационного успеха феминистских движений. В конечном счете широкими целями гендерной теории и большинства ее сторонников является расширение сферы феминистской политики, ускорение проникновения результатов исследований женской истории в общественную память и сознание, а также создание новой, более содержательной, социальной эпистемологии.

Для того чтобы помочь российским ученым в знакомстве с критической теорией, Пушкарева выпустила лаконичное и ясно написанное предисловие к некоторым публикациям философских подходов к гендерной теории в различных дисциплинах, таких как социология, этнография и история [Пушкарева, 2007]. Можно отметить её доскональное знание западных теоретических работ. Интересна мысль о том, что «западный канон» со всеми его включениями и исключениями часто выстраивается самими читателями, а не теоретиками. Пушкарева сознательно не принимает во внимание критические теории расы, этноса, постколониализма, транснационализма и их влияния на развитие гендерных исследований [Bhaba, 1992; Pratt, 1992; Said, 1978; Charabarty, 2000; White, 1978; Mbembe, 2001; Ashcroft 2006]. Несмотря на существенное различие постсоветской России и таких стран, как Индия, все же можно найти определенное сходство в отношении к созданию и использованию исторических знаний в постсоветском и постколониальном обществах [Chari, 2009; Rogers, 2010; Ушакин, 2002]. И в том и другом обществе исторические тексты должны воздействовать на две разные аудитории: национальную элиту, чье будущее тесно связано с понятием национального государства, и либерально настроенную интеллигенцию, ориентирующуюся чаще всего на идеи Запада. В результате ученым приходится искать золотую середину между требованиями западных грантодателей и запросами местных организаций и национальных политических учреждений.

В современной России история стала высоко политизированным предметом, и, несмотря на периодическую либерализацию политического климата, использование истории как инструмента общественной и политической критики требует личного мужества. Материальное поощрение в профессии историка в России значительно меньше по сравнению с западным. Для тех историков, кто открыто придерживается тех или иных политических взглядов, не совпадающих с официальными, могут возникнуть серьезные проблемы. Наряду со значительными материальным и политическим ограничениям историки могут встретиться с ограничениями в идеологическом плане. Идеологические рамки часто затрудняют теоретические формулировки новых концепций. При новых государственных ограничениях на получение зарубежных грантов заметно сократилась финансовая поддержка гендерных исследований.

Идеология левого движения и интернационализма не пользуется популярностью в России, несмотря на то, что администрация Путина возлагает надежду на евразийство и Евразию как мощное орудие в международной политике. Исследователям-феминистам в России приходится учитывать все эти факторы. В современной России все еще бытует представление о нации как страдаю-

щей женщине, спасение же видится в многодетности семьи, а государственная измена персонифицируется в интердевочке [Borenstein, 2008].

Н.Л. Пушкаревой успешно удалось внести феминистский ракурс в российское видение гражданского общества. Она дополнила широкую картину русской истории сильными героинями, которые участвовали в культурных, социальных и политических событиях России. Ее феминистская историография служит сильным противовесом против современных тенденций в российской популярной культуре, которая либо огламурирует сексуальность женщин, либо видит в женщине только многодетную мать.

Перевод: Анна Шипулина
(Университет штата Калифорния
в Сан-Диего)
Anna Shipulina MA Linguistics
Language Acquisition Resource Center
San Diego State University
5500 Campanile Drive
San Diego, CA 92182-8305
anntegrity@gmail.com

Примечания

¹ Статья представляет собой переработанную для данной публикации часть исследования «Transnational Feminisms: Gender and Historical Knowledge in Post-Soviet Russia» Issue 1 and 2 of *Tractus Aevorum*, (an online and print journal sponsored by the Belgorod National Research University, Russia, 2014).

² Авторы выражают глубокую благодарность профессору С. Коткину за предоставление информации.

³ Н.Л. Пушкарева особо подчеркивает тему независимости женщин и возможность выбора.

⁴ Авторы ссылаются на книгу Барбары Хелдт «Недостижимое совершенство». Буквальный перевод заголовка – «Ужасное совершенство». Heldt B., *Terrible Perfection. Women and Russian Literature*. Bloomington: Indiana University Press. 1987. Книга не публиковалась на русском языке.

Библиографический список

- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (eds). *The Post-Colonial Studies Reader*. New York: 2006. 539 p.
- Bhaba H. *The Location of Culture*, New York, 1992.
- Borenstein E. *Overkill. Sex and Violence in Contemporary Russian Culture*. Ithaca, 2008. 265 p.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, 2000.
- Chari S., Verdery C. *Thinking Between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War // Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51, №. 1. P. 6–39.
- Edmondson L. *Feminism in Russia, 1900–1917*. Stanford, 1984. 212 p.
- Freidman S. Stanford // *Locational Feminism: Gender, Cultural Geographies, and Geopolitical Literacy / M. DeKoven, Feminist Locations: Local and Global, Theory and Practice*. New Brunswick, 2001.
- Goscilo H., Holmgren B. (eds). *Russia, Women, Culture*. Bloomington, 1996. 386 p.
- Johanson C. *Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855–1900* Kingston, 1987. 149 p.
- Khotkina Z. *Ten Years of Gender Studies in Russia // Russian Social Science Review*. 2002. Vol. 43, №. 4 (July–August). С. 4–12.
- Korovushkina I. *Paradox of Gender: Writing History in Post-Communist Russia 1987–1998 // Gender and History*. 1999. Vol. 11, № 3, (November). P. 569–582.
- Kotkin S. *An Evaluation of Academic Community Building in Russia*, Ford Foundation Moscow Office. S.I., 2006. 32 p.
- Levin E. *Friends and Colleagues in Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson (eds). Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present*. Armonk, 2003. P. 177–189.
- Lindenmeyr A. *Poverty is not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996. 335 p.
- Mbembe A. *On the Postcolony*. Berkeley, 2001. 274 p.
- Parada-Ampudia Lorena. *The Institutionalization of Women's and Gender Studies in Mexico // Lapovsky E., Beins K. and Agatha (eds). Women's Studies for the Future*. New Brunswick, 2005. P. 262–271.

- Posadskaya-Vanderbeck A.* On the Threshold of the Classroom. Dilemmas for Post-Soviet Russian Feminism // Scott J. W., Kaplan C. (eds). *Transitions, Environments, Translations. Feminisms in International Politics.* New York, 1997. P. 373–381.
- Pratt M. L.* *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation.* London: Routledge:1992.
- Pushkareva N. L.* *Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century,* trans. and ed., Eve Levin. New York, 1997. 319 p.
- Raj K.* *Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Scientific Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900.* London, 2007. 285 p.
- Repina L.* Gender Studies in Russian Historiography in the nineteen-nineties and early twenty-first century // *Historical Research.* 2006. Vol.79, № 204 (May). P. 270–286.
- Rogers D.* Postsocialisms Unbound: Connections, Critiques, Comparisons // *Slavic Review.* 2010. 69, № 1 (Spring). P. 1–15.
- Ruane C.* *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860–1914.* Pittsburgh, 1994. 258 p.
- Said E.* *Orientalism.* New York, 1978. 368 p.
- Solomon S. G. Circulation of Knowledge and the Russian Locale // *Kritika.* 2008. 9, № 1 (Winter). P. 9–26.
- Stites R.* *The Women’s Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930.* Princeton, 1988.
- Voronina O.* Has Feminist Philosophy a Future in Russia? // *Signs,* 2009. Vol. 34, № 2. P. 252–257.
- Zimmerman S.* The Institutionalization of Women and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and Former Soviet Union. URL: <http://www.sc.ceu.hu/node/13965> (accessed: 07.04.2008).
- Пушкарева Н.Л.* «А се грехи злые, смертные...»: русская сексуальная и эротическая культура X–XVII веков. М.: Ладомир, 2002.
- Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования в истории и этнологии: пока только “воображаемое”? // *Гендерные исследования.* 2006. № 15. С. 165–173. URL: www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/15 (дата обращения: 06.25.2008).
- Пушкарева Н.Л.* «Дерзкие и беспокойные». Женская история России 1801–1905: формы социальной активности // *Отечественная история.* 2002. № 6. С. 52–65.
- Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // *Вопросы истории.* 1998. № 6. С. 76–86.
- Пушкарева Н.Л.* *Гендерная теория и историческое знание.* СПб: Алетейя, 2007. 495 с.
- Пушкарева Н.Л.* *Женщины Древней Руси.* М.: Мысль, 1989. 286 с.
- Пушкарева Н.Л.* *Женщины России и Европы на пороге нового времени.* М.: ИЭА РАН, 1996. 285 с.
- Пушкарева Н.Л.* История, итоги и перспективы институализации women’s and gender studies и российской исторической науке // *Гендерная история: pro et contra.* СПб: Нестор, 2000. С. 21–30.
- Пушкарева Н.Л.* *Частная жизнь русской женщины: Невеста, жена. любовница (X – начало XIX вв.)* Москва: Мысль, 1997. 381 с.
- Ушакин С.А.* (ред. и сост.) *О мужестве(Н)ости: Сборник статей.* М.: Новое литературное обострение, 2002. 720 с.
- Юкина И.И.* *Русский феминизм как вызов современности.* СПб: Алетейя, 2007.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.06.2019

NATALIA PUSHKAREVA: GENDER AND HISTORICAL HERITAGE IN POST-SOVIET RUSSIA

Choi Chatterjee

California State University, 5151 State University Drive, Los Angeles, CA 90032, USA
cchatte@calstatela.edu

Karen Petrone

University of Kentucky, 1715 Patterson Office Tower, Lexington KY 40506-0027, USA

petrone@uky.edu

The authors look into the academic carrier of Natalia Pushkareva. They give a brief introduction on Russian women's studies in the 1990-2000s. International contacts are important for developing and building departments and centers of women and gender studies. Western grants played a positive role in the field of women's studies in Russia and Eastern Europe. However, grants were given mostly to the fields of applied social studies. Natalia Pushkareva played a key role in the development of women studies in Russia. Her book *Russian Women in History: From the Tenth to the Twentieth Century* was the first monograph on women's history translated into English. The work of two scholars Natalia Pushkareva and Eve Levin (who edited and translated the monograph into English) is a perfect example of international fruitful cooperation in academia. The book is being used by both students and scholars. Natalia Pushkareva's numerous publications made a great input into the international field of women studies. The authors write about Pushkareva's service to Russian and international academia, about her efforts to bring knowledge and help other scholars. Pushkareva works for wide Russian public. Her publications range from feminist and gender theory to popular articles.

Key words: Natalia L. Pushkareva, Eve Levin, feminism, women's history, gender studies, Russia.

References

- Ashcroft, B., Griffiths G. & H. Tiffin (eds.) (2006), *The Post-Colonial Studies Reader*, Routledge, New York, USA, 539 p.
- Bhaba, H. (1992), *The Location of Culture*, Routledge, New York, USA.
- Borenstein, E. (2008), *Overkill. Sex and Violence in Contemporary Russian Culture*, Cornell University Press, Ithaca, USA, 265 p.
- Chakrabarty, D. (2000), *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton University Press, Princeton, 336 p.
- Chari, S. & C. Verdery (2009), "Thinking Between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War", *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 51, № 1, pp. 6–39.
- Edmondson, L. (1984), *Feminism in Russia, 1900–1917*, Stanford University Press, Stanford, USA, 212 p.
- Freidman, S. (2001), "Stanford // Locational Feminism: Gender, Cultural Geographies, and Geopolitical Literacy", in DeKoven, M., *Feminist Locations: Local and Global, Theory and Practice*, Rutgers University Press, New Brunswick, 320 p.
- Goscilo, H. & B. Holmgren (eds.) (1996), *Russia, Women, Culture*, Indiana University Press, Bloomington, 1996. 386 p.
- Johanson, C. (1987), *Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855–1900*, McGill-Queen's University Press, Kingston, Canada, 149 p.
- Khotkina, Z. (2002), "Ten Years of Gender Studies in Russia", *Russian Social Science Review*, Vol. 43, № 4 (July–August), pp. 4–12.
- Korovushkina, I. (1999), "Paradox of Gender: Writing History in Post-Communist Russia 1987–1998", *Gender and History*, Vol. 11, № 3 (November), pp. 569–582.
- Kotkin, S. (2006), *An Evaluation of Academic Community Building in Russia*, Ford Foundation Moscow Office, Russia, 32 p.
- Levin, E. (2003), "Friends and Colleagues", in Baron, S.H. & C.A. Frierson (eds.), *Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present*, Routledge, Armonk, USA, pp. 177–189.
- Lindenmeyr, A. (1996), *Poverty is not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*, Princeton University Press, Princeton, 335 p.
- Mbembe, A. (2001), *On the Postcolony*, University of California Press, Berkeley, USA, 274 p.
- Parada-Ampudia, L. (2005), "The Institutionalization of Women's and Gender Studies in Mexico", in Lapovsky, E. & A.M. Beins (eds.), *Women's Studies for the Future*, Rutgers University Press, New Brunswick, USA, pp. 262–271.
- Posadskaya-Vanderbeck, A. (1997), "On the Threshold of the Classroom. Dilemmas for Post-Soviet Russian Feminism", in Scott, J. W. & C. Kaplan (eds.), *Transitions, Environments, Translations. Feminisms in International Politics*, Routledge, New York, USA, pp. 373–381.
- Pratt, M.L. (1992), *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*, Routledge, London, UK, 272 p.
- Pushkareva, N.L. (1986), *Zhenshchiny Rossii i Evropy na poroge novogo vremeni* [Russian and European Women at the Threshold of New Time], Institut etnologii i antropologii Rossiiskoy akademii nauk, Moscow, Russia, 285 p.
- Pushkareva, N.L. (1989), *Zhenshchiny drevnei Rusi* [Women of Ancient Russia], Mysl', Moscow, Russia, 287 p.
- Pushkareva, N.L. (1997), *Chastnaya zhizn' russkyi zhenshchiny: nevesta, zhena, liubovnitsa (X – nachalo XIX vv.)* [Private Life of a Russian Woman: Bride, Wife, Lover], Mysl', Moscow, Russia, 381 p.
- Pushkareva, N.L. (1997), *Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century*, Routledge, New York, USA, 319 p.

- Pushkareva, N.L. (1998), "Gender Studies: origins, development, methods and perspectives", *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 76-86.
- Pushkareva, N.L. (2000), "History, results, and perspectives of the institutionalization of women's and gender studies in studies of Russian history", in Murav'eva, M.G., *Gendernaya istoriya: pro e contra* [Gender History: pro e contra], Izdatelstvo Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, pp. 21-30.
- Pushkareva, N.L. (2002), "'Insolent and Restless'", Russian Women's History 1801-1905: Forms of Social Activity", *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 52-65.
- Pushkareva, N.L. (2002), "*A se grekhi zlye, smertnye*": *Russkaya seksual'naya i eroticheskaya kul'tura X-XVII vekov* ["And these are evil and deadly sins": Russian Sexual and Erotic Culture of X-XVII centuries], Ladomir, Moscow, Russia, 752 p.
- Pushkareva, N.L. (2007), "Gender research in history and ethnology", *Gendernye issledovaniya*, no. 15, pp. 123-145, available at: www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/15 (accessed: 25.06.2008).
- Pushkareva, N.L. (2007), *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge], Aleteiya, St. Petersburg, Russia, 495 p.
- Raj, K. (2007), *Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Scientific Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900*, Palgrave Macmillan, London, UK, 285 p.
- Repina, L. (2006), "Gender Studies in Russian Historiography in the nineteen-nineties and early twenty-first century", *Historical Research*, Vol.79, № 204 (May), pp. 270–286.
- Rogers, D. (2010), "Postsocialisms Unbound: Connections, Critiques, Comparisons", *Slavic Review*, 69, № 1 (Spring), pp. 1–15.
- Ruane, C. (1994), *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860–1914*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, USA, 258 p.
- Said, E. (1978), *Orientalism*, Pantheon, New York, USA, 368 p.
- Solomon, S. G. (2008), "Circulation of Knowledge and the Russian Locale", *Kritika*, 9, № 1 (Winter), pp. 9–26.
- Stites, R. (1988), *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*, Princeton University Press, Princeton, USA, 512 p.
- Ushakin, S.A. (ed.) (2002), *O muzhestve(N)osti. Sbornik statey* [On Masculinity, Collection of Articles], Novoe Literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 720 p.
- Voronina, O. (2009), "Has Feminist Philosophy a Future in Russia?", *Signs*, Vol. 34, № 2, pp. 252–257.
- Yukina, I.I. (2007), *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to modernity], Aleteiya, St. Petersburg, Russia, 539 p.
- Zimmerman, S. (2007), *The Institutionalization of Women and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and Former Soviet Union*, available at: <http://www.sc.ceu.hu/node/13965> (accessed: 07.04.2008).